

НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ BREXIT ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Н.Ю. Кавешников

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В работе рассмотрены некоторые последствия референдума о выходе Великобритании из ЕС для институционально-политического развития Европейского союза и для отношений между ЕС и Великобританией.

Наиболее очевидным последствием референдума является крах идеологии постоянного и неуклонного развития интеграции. Вместо бесконечного, необратимого, априори выгодного для всех интеграционного объединения Европейский союз стал организацией, не имеющей мессианской цели и вынужденной ежечасно доказывать свою полезность.

Системный кризис Евросоюза неизбежно повлечёт за собой глубокую трансформацию институционально-политической структуры ЕС. После британского референдума в числе возможных остались лишь два варианта.

Во-первых, это частичная деконструкция Евросоюза. В основу этой стратегии может лечь тезис о том, что европейская интеграция зашла слишком далеко. Согласно этой логике, главное достижение Евросоюза – это единый рынок. Возвращение к главному – вот прагматичный подход к интеграции, который должен заменить попытки починить окончательно развалившееся (зона евро) или добиться недостижимого (политический союз). Вероятность такого развития событий невелика.

Во-вторых, это трансформация ЕС в систему «ядра и периферии» (гибкая интеграция). За последние 20 лет гибкость из переходного явления превратилась в постоянный и формализованный механизм, её элементы присутствуют в большинстве важнейших сфер деятельности ЕС. Выход Великобритании способен существенно ускорить формирование сплочённого ядра Евросоюза. Разумеется, это ядро не будет гомогенно, в нём уже видны зарождающиеся элементы управляющих структур: германо-французская ось и группа стран-основателей ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, Brexit, институциональная система ЕС, гибкая интеграция.

Шокирующий итог референдума в Великобритании высветил все системные дефекты политико-институциональной системы Европейского союза, усиленные внешними шоками последних лет. Задолго до референдума эксперты (а также многие политики) отмечали, что в политико-институциональной системе Европейского союза всё сильнее ощущаются системные дефекты, в частности:

1. отсутствие разделяемой всеми акторами долгосрочной цели интеграции и видения будущего;
2. недостаточная эффективность текущего управления;
3. неспособность обеспечить требуемый уровень легитимности системы в отсутствие укоренённой в обществе европейской идентичности и образ Брюсселя как далекой от народа всевластной бюрократии;
4. нарастание недовольства в адрес Евросоюза со стороны той части общества, которая ощущает себя (справедливо или нет) проигравшей от процессов региональной интеграции и глобализации;
5. чрезмерное расширение состава, в результате которого в ЕС сейчас входит слишком много стран, существенно различающихся по базовым политическим и экономическим характеристикам и приоритетам;
6. эволюция системы в сторону межправительственного сотрудничества при усиливающемся доминировании крупных стран в целом, и Германии в особенности [4].

Недовольство со стороны части общества усилилось в связи с различного рода кризисными явлениями (экономическая стагнация после кризиса 2008–2009 гг., в целом недостаточная конкурентоспособность экономики ЕС в глобальном масштабе, нарастающий миграционный кризис, дестабилизация внешней периферии ЕС)¹. Экономика, идентичность и внешняя политика – современные вызовы затрагивают наиболее важные аспекты деятельности ЕС. Хотя указанные кризисные явления во многом связаны с действиями/бездействием национальных правительств, общество, не без подсказки национальных элит, возложило ответственность за эти негативные явления на Брюссель. В последние пару лет системный характер кризиса осознали и европейские политики. В частности, председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер в сентябре заявил: «Европейский союз, по крайней мере частично, находится в экзистенциальном кризисе» [7].

Наконец, очередную злую шутку сыграл разрыв между элитами и основной массой населения. Европейские элиты (и британские в особенности) уже давно глубоко интегрировались в глобальную экономику и политическое сообщество и превратились в «граждан мира». Они прекрасно понимают, какие возможности

предоставляет глобализация и, кстати говоря, присваивают большую часть получаемых от глобализации/интеграции благ. А вот значительная часть населения по-прежнему привержена национальной идентичности, ощущает интеграцию скорее как источник не возможностей, а рисков, как причину усиления конкуренции и даже источник угроз. Соответственно, за выход Великобритании из ЕС голосовали преимущественно люди среднего и особенно старшего возраста с невысоким уровнем образования и дохода.

И вот референдум, инициированный Дэвидом Кэмероном как средство давления на партнёров по Евросоюзу, превратился в политическое землетрясение практически глобального масштаба. Процесс выхода Великобритании из ЕС займёт несколько лет. На повестке дня снова встаёт вопрос независимости Шотландии, возникает неопределённость по поводу будущего Северной Ирландии. Абсолютно неясно, на какой основе будут строиться отношения между Лондоном и Брюсселем после «развода». Практически невозможно предсказать, каким станет Европейский союз после выхода Великобритании. Ясно одно – Евросоюз не останется прежним.

Сейчас можно сформулировать лишь самые общие соображения о будущем Евросоюза и о контурах новых отношений между Великобританией и ЕС.

Наиболее очевидным последствием референдума является крах идеологии постоянного и неуклонного развития интеграции. Европейская интеграция должна постоянно углубляться, интеграция – это необратимый процесс, не имеющий обратного хода. Конечная цель неизвестна, но «всё более тесный союз народов Европы» подразумевает постоянное движение вперёд. Интеграция – это благо для всех и потому все страны Европы стремятся вступить в Европейский союз, присоединиться к «пространству свободы, безопасности и благосостояния». Большинство политиков европейского мейнстрима если и не произносили вслух эти тезисы, то вели практическую политическую деятельность на основе этих предпосылок.

Этой идеологии больше не существует. Крах Конституции ЕС в 2005 г. фактически поставил крест на проекте европейской федерации и заставил задуматься о пределе углубления интеграции [4]. События последних лет дали несколько примеров отката интеграционного процесса, фактического отказа от достигнутого уровня взаимодействия и передачи вопросов обратно на национальный уровень (например, миграционный кризис). А после референдума в Великобритании стало понятно, что интеграция – это не только расширение, но и «сужение» ЕС.

Вместо необратимо расширяющегося, априори выгодного для всех *процесса интеграции*, Европейский союз стал *организацией*, не имею-

¹ О росте антиЕСовских настроений как реакции на современные кризисы см. например, [2].

■ Исследовательские статьи

щей мессианской цели². ЕС окончательно трансформировался в организацию, вынужденную ежечасно доказывать свою полезность государствам-членам, элитам и обществам. А последнее, в свою очередь, теперь оценивают Евросоюз исходя преимущественно из национальных/групповых интересов, а не из нормативных критериев³. *Европейский союз превращается в организацию, нормальным состоянием которой должна быть стабильность, а не развитие.*

Однако чтобы достичь этого «нормального состояния», Евросоюз должен существенно трансформироваться, поскольку его современная политико-институциональная система не отвечает требованиям времени. В этой связи характерны произнесенные премьер-министром Франции Мануэлем Вальсом в июне 2016 г. слова: «Сейчас время создать другую Европу»⁴. После британского референдума пространство возможного существенно сузилось и на повестке дня, по сути, остались лишь два варианта трансформации ЕС.

Вариант 1. Частичная деконструкция Евросоюза. В основе этой стратегии лежит тезис о том, что европейская интеграция зашла слишком далеко и что следует пересмотреть некоторые «ошибки» прошлого. Например, под вопрос ставится целесообразность созданной системы управления в зоне евро (прежде всего те элементы централизации, которые были реализованы в последние годы как ответ на долговой кризис). Предлагается демонтировать ряд отраслевых политик, слишком сильно «вмешивающихся» в чувствительные «национальные» сферы (например, миграционная, социальная). Вновь ставится вопрос о сокращении регуляторных функций Евросоюза, чрезмерно искажающих свободный рынок (сельскохозяйственная политика, защита потребителей и др.). Согласно этой логике, главное достижение Евросоюза – это единый рынок. Возвращение к главному – вот прагматичный и эффективный подход к интеграции, который должен заменить попытки починить окончательно развалившееся (зона евро) или добиться недостижимого (политический союз).

Однако стратегия «меньше Европы» не может решить текущие кризисы. Роспуск еврозоны лишь усугубит экономический кризис в Европе и сделает отдельные страны более уязвимыми перед «произволом финансовых рынков».

Отказ от попыток выработать общую миграционную политику оставит приграничные страны ЕС наедине с потоком мигрантов, неминуемо приведёт к распаду Шенгенского пространства. Всё это также усилит риски политической дестабилизации на национальном уровне. Контролируемый демонтаж части достижений ЕС чреват риском неконтролируемой деградации системы. А «упрочив» национальный суверенитет за счёт возврата ряда переданных в Брюссель функций, страны ЕС окажутся менее конкурентны и менее способны дать эффективный ответ вызовам глобализации.

Вероятность такого развития событий невелика. Наиболее очевидным сторонником такого подхода была Великобритания. Однако без её лидерства лагерь сторонников мягкого частичного демонтажа достижений ЕС распадается. Характерно, что даже довольно скептически настроенные страны Вишеградской четвёрки по итогам саммита 29 июня 2016 г. отметили необходимость укрепления не только единого внутреннего рынка, но и ряда экономических политик ЕС, а также свободы передвижения и «вопросов внутренней и внешней безопасности»⁵.

Неконтролируемая деградация ЕС также представляется маловероятной. Итоги референдума в Великобритании связаны с целым рядом специфических факторов:

1. привычка Лондона выторговывать, в том числе путём «шантажа», особый статус и многочисленные уступки;

2. евроскептицизм как один из значимых (не маргинальных) элементов политической культуры общества;

3. раскол политической элиты, что особенно важно – раскол системных партий (консерваторов и либералов), что позволило провести эффективную агитационную кампанию за Brexit;

4. совпавший с периодом агитационной кампании пик миграционного кризиса (постоянное присутствие этой темы в топе новостной повестки дня).

Эти факторы отражают уникальность ситуации в Великобритании и не характерны для других стран ЕС. Кроме того, Великобритания является большой и высокоразвитой экономикой; она способна успешно развиваться самостоятельно, хотя и неизбежно столкнётся со

² Ещё продолжают звучать лозунги о необходимости поиска / возрождения глобальной мессианской роли Евросоюза. Например, Х.Патомаки полагает, что ЕС должен продвинуть «левый космополитический проект за пределы Европы» и предложить стратегию преодоления противоречий глобальной экономики на основе «зелёного демократического глобального кейнсианства» [9]. Однако эти идеи всё более маргинализуются и смотрятся крайне экстравагантно.

³ Впрочем, не стоит забывать, что ЕС предоставляет чрезвычайно важные общественные блага: отсутствие войн между государствами-членами, эффективную экономическую систему с высоким уровнем социальной защиты, инклюзивные политические системы с большим объёмом политических и гражданских свобод, экономические выгоды единого рынка, удобства единой валюты и Шенгенского пространства и т.п.

⁴ Reuters, 24.06.2016. URL: <http://in.reuters.com/article/eu-britain-hollande-idINKCN0ZA212>.

⁵ Joint Statement of the Heads of Governments of the Visegrad Group Countries: Towards Union of Trust and Action. 29 June 2016. URL: <http://www.visegradgroup.eu/calendar/2016/joint-statement-of-the-160629>

сложностями в связи с утратой части связей с континентальной Европой. А вот малые страны (или страны большие, но среднего уровня развития) должны быть частью большого экономического пространства, иначе они неизбежно будут терять конкурентоспособность.

Вероятность того, что вслед за Великобританией из ЕС выйдут другие страны (некоторые эксперты называют Венгрию, Польшу, Грецию, Нидерланды)⁶, крайне мала. Какие страны ЕС рискнут последовать за Великобританией? Венгрия, где ключевые позиции в экономике занимает иностранный капитал? Польша, ежегодно получающая из бюджета ЕС около 13 млрд евро? Греция, чтобы начать одиночное плавание с дефолта и необходимости самостоятельно перезаключить миграционную сделку с Турцией? Нидерланды, у которых 75% внешней торговли приходится на ЕС и где все традиционные партии являются последовательными сторонниками евроинтеграции?

Вероятность того, что кто-то попытается повторить британскую тактику «шантажа» (угрожая выходом из ЕС, чтобы добиться уступок), тоже невелика. Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Великобритания всегда имела не только особый статус в ЕС, но и ресурсы, позволявшие получать всё новые и новые уступки. Чтобы успешно «шантажировать» Евросоюз, нужно быть пятой экономикой мира, ядерной державой и стратегическим союзником Вашингтона. Наконец, лидеры ЕС явно не хотят второй раз попасть в ловушку «шантажиста»; они постараются выстроить свои отношения с Лондоном так, чтобы никому не захотелось последовать этому примеру: никаких бонусов тому, что не хочет разделить общую ношу.

Вариант 2. Евросоюз ядра и периферии (гибкая интеграция). Термин «гибкая интеграция» используется для описания множества механизмов, позволяющих заинтересованным государствам-членам ЕС более тесно сотрудничать между собой в рамках существующих институтов ЕС и без помех со стороны их партнёров по Союзу (вперёд идут те, кто хочет и может). За последние 20 лет гибкость из временного, переходного явления превратилась в постоянный и формализованный механизм, её элементы присутствуют в большинстве важнейших сфер деятельности ЕС [3].

Ещё до референдума в Великобритании сформировался тренд на более чёткое оформление в Евросоюзе «ядра и периферии». Были

созданы механизмы, которые углубляют различия между участниками и аутсайдерами зоны евро (например, Банковский союз и пакет шести (Sixpack)) [5]. Всё чаще упоминали о взаимосвязи между единой валютой и политическим союзом. Учреждено несколько проектов продвинутого сотрудничества, в том числе в сфере экономики (европейский патент, налог на финансовые транзакции). Контур ядра становился всё более видимым – это модернизированная зона евро минус некоторые экономически слабые страны плюс некоторые страны Центральной Европы (прежде всего Польша). Среди политиков, в последние годы отмечавших перспективы гибкой интеграции, назовём Ангелу Меркель, Никола Саркози и Франсуа Олланд, Марка Рютте и Энрико Летта [8, р. 5]. Уже после референдума о Брекзите ряд экспертов отметил, что гибкая интеграция может стать основным сценарием развития ЕС, например, П.Валь пишет о развитии гибкости за счёт «интеграции в некоторый сферах и дезинтеграции в других, основанной на варьирующихся коалициях участников» [10: 161]

Выход Великобритании способен существенно упростить формирование сплочённого ядра Евросоюза. Во-первых, уходит страна, которая традиционно оппонировала интеграционным устремлениям германо-французского тандема. Во-вторых, Великобритания, опиравшаяся на особые отношения с Вашингтоном, самым фактом своего присутствия в ЕС подрывала лидерство Германии. В-третьих, по всем экономическим и политическим параметрам еврозона становится абсолютно доминирующей группой в составе ЕС⁷.

Теперь еврозона имеет все шансы трансформироваться в устойчивое ядро, которое будет задавать вектор развития Евросоюза, «независимо от взглядов оставшиеся государств ЕС с исключениями» [6: 2]. Разумеется, это ядро не будет гомогенно; в нём уже видны зарождающиеся элементы управляющих структур. Основным контуром управления останется германо-французская ось, которая либо сохранится в современном виде, либо трансформируется в треугольник Германия–Франция–Италия⁸. Сегодня основной раскол внутри ЕС – это раскол между севером и югом. В треугольнике крупных стран Евросоюза Германия выражает интересы севера, Италия – юга, а Франция во всех смыслах занимает промежуточное положение.

Второй контур управления – это страны-основатели ЕС, то есть треугольник плюс

⁶ Страны, которые вслед за Великобританией могут покинуть ЕС. 24.06.2016. URL: <http://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/strany-kotorye-mogut-pokinut-es/>

⁷ Среди условий сохранения членства Великобритании в ЕС, которые Д. Кэмерон выторговал в феврале 2016 г., одним из ключевых пунктов было не допустить дискриминации стран, сохранивших национальную валюту. Речь шла как о политических аспектах (не допустить, чтобы еврогруппа подменила собой Экофин), так и об экономических (правила функционирования зоны евро не должны подрывать единство внутреннего рынка ЕС).

⁸ Характерно, что на совещание 27 июня 2016 г. для выработки стратегии ЕС после британского референдума Ангела Меркель пригласила именно Франсуа Олланда и Маттео Ренци (а также председателя Европейского совета Дональда Туска, который должен символизировать участие всех остальных стран ЕС).

■ Исследовательские статьи

Бенилюкс. Колоссальный опыт сотрудничества, символическая аура стран-основателей, схожее видение стратегического направления развития ЕС – более чем достаточная основа для углублённого взаимодействия. При этом участие стран Бенилюкс позволит парировать критические замечания относительно «директории» и «заговора» крупных стран. К тому же сегодня всё больше экспертов полагают, что глубинную основу успешного интеграционного проекта составляет культурное единство. Не случайно легенда приписывает Жану Монне слова: «Если бы я начинал это [интеграцию] заново, я бы начал с культуры»⁹. Состав стран-основателей ЕС в начале 1950-х гг. определялся не только нюансами политики того периода. Все они – «наследники» империи Карла Великого, историческое ядро Западной Европы.

После ухода Великобритании периферия Евросоюза вероятно всего окончательно трансформируется в страны второго сорта, в провинцию. Вплоть до настоящего времени периферийные страны ЕС (то есть те страны, которые не входят в Шенген, еврозону, пользуются специфическими исключениями в других проектах ЕС) воспринимали себя полноценными участниками интеграционного процесса, только идущими другим путём или чуть медленнее остальных. Раз Великобритания добровольно отказывалась от ряда интеграционных инициатив, значит, не все проекты ЕС в равной степени соответствуют интересам государств-членов. Значит, ядро Евросоюза – это лишь одна из групп стран ЕС (пусть и доминирующая количественно). А аутсайдеры (и те, кто не хочет, и те, кто не может) – это равноправная «другая Европа». Было бы преувеличением сказать, что Лондон выступал в роли лидера стран периферии (хотя во внешней политике именно Лондон консолидировал «новую» Европу). Однако пример Великобритании – страны с гигантским количеством исключений из правил ЕС, но при этом неотъемлемой части «Европы Евросоюза», легитимизовал существование других аутсайдеров.

С уходом Великобритании периферия ЕС будет состоять из малых стран (за исключением Польши), большинство которых имеют относительно менее развитую экономику, а часть – менее стабильную и эффективную политическую систему. К тому же большинство из них составляют периферию не по своему желанию, а потому, что не соответствуют критериям, необходимым для присоединения к тем или иным проектам ЕС.

Периферийные страны ЕС рискуют получить ярлык второсортности. А в процессе упрочения ядра их статус всё больше будет приближаться к статусу Норвегии или Швейцарии: не члены ЕС, которые имеют ограниченные возможности влиять на принятие решений, но

вынуждены соблюдать большую часть законодательства ЕС, чтобы сохранить участие в едином внутреннем рынке и Шенгенской зоне.

Место Великобритании в Европе. Говорить о какой-то позиции Великобритании по процедуре «развода» с ЕС пока рано. Однако изначально было ясно, что интересы Великобритании крайне противоречивы.

Один из лозунгов, под которым евроскептики шли на референдум – «нам нужна зона свободной торговли и ничего больше». Но в реальности Лондон будет стремиться максимально сохранить своё участие в едином внутреннем рынке. Разумеется, за исключением свободы передвижения трудящихся, ведь именно нежелание пускать приезжих из других стран ЕС (прежде всего, из Восточной Европы) – один из сильных лозунгов британских евроскептиков. Кроме того, Великобритания заинтересована в том, чтобы сохранить существующие условия финансового взаимодействия – свободу финансовых услуг, но без участия в проектах финансового и банковского сотрудничества, инициированных еврозоной, но реализованных с участием почти всех стран ЕС (пакет «двух», пакет «шести», налоговый союз, бюджетный союз). И, разумеется, неприятие Лондона вызывает то, что он считает чрезмерным регулированием экономической деятельности: технические стандарты, меры социальной политики, защита прав потребителей и т.д. Сложность в том, что соблюдение этих норм – безусловное требование доступа на единый внутренний рынок.

Обговаривая условия выхода из ЕС, Лондон может попытаться продолжить свою стратегию *cherry picking*, стремясь сохранить участие в выгодных для него элементах интеграционного проекта. Однако ЕС-27 явно не склонен потакать этим намерениям.

Ни один из существующих форматов не отвечает в полной мере интересам Великобритании, а, возможно, и ЕС [1]. Представляется, что среди наиболее вероятных можно выделить два варианта будущих отношений между Великобританией и ЕС.

Во-первых, сохранение полноценного участия Великобритании в едином внутреннем рынке по модели Норвегии или Швейцарии. При этом формально Лондон выходит из ЕС, но фактически сохраняет большую часть существующих связей. Такое положение гораздо в большей степени, нежели сегодня, ограничит суверенитет Великобритании (указанные страны, применяя значительную часть законодательства ЕС, не имеют возможности принимать участие в его разработке – иногда эту практику называют «демократия по факсу»). Кроме того, участие в едином внутреннем рынке потребует от Лондона соблюдения правил, обеспечивающих свободу передвижения трудящихся. По сути, это будет

⁹ Welcome address by Mario Draghi, President of the ECB, “Art on site” inauguration, Frankfurt am Main, 6 October 2015. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2015/html/sp151006_1.en.html

мягким пересмотром итогов референдума. Реализация такой стратегии потребует прямого одобрения со стороны населения, возможно в форме выборов, на которых эта стратегия «развода» будет основным пунктом избирательной кампании.

Во-вторых, в основу отношений ЕС–Великобритания может быть положен режим свободной торговли с некоторыми дополнительными элементами финансово-инвестиционного сотрудничества. В этой ситуации Великобритания окончательно займёт место не в Европе, а между Европой и США. В сфере безопасности – это НАТО. В сфере внешней политики – это суверенитет и особые отношения с Вашингтоном. В сфере экономики – это может быть участие Ве-

ликобритании в Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве (ТТИП) наряду с США и ЕС. Такой формат может быть привлекателен для Лондона, поскольку ТТИП ограничивает в минимальной степени экономический суверенитет, не подразумевает большой регуляторной нагрузки и либерализует торговлю товарами и движение капиталов (в чём состоит основной интерес Лондона). Участие Великобритании в ТТИП привлекательно для всех заинтересованных акторов ещё и тем, что способно решить и политическую задачу сохранения трансатлантической солидарности в новых условиях. Разумеется, этот вариант возможен, лишь если сам проект ТТИП будет реализован, относительно чего существуют значительные сомнения.

Список литературы

1. Бабынина Л. «Brexit means Brexit». Что означает выход Соединенного Королевства из Европейского Союза? // Современная Европа. 2016, № 4. С. 21–33.
2. Большова Н.Н. «Пегида» как пример массовых протестных движений, возникших в Европе под влиянием миграционного кризиса // Полис. 2016, № 3. С. 123–137.
3. Кавешников Н.Ю. «Гибкая интеграция» в Европейском союзе // Международные процессы. 2011. Том 9. № 2 (26). С. 58–69.
4. Кавешников Н.Ю. Лиссабонский договор и его последствия для развития ЕС // Актуальные проблемы Европы. 2010. № 2. С. 54–76.
5. Цибулина А.Н. Банковский и фискальный союзы в ЕС: что важнее? // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 4 (37). С. 155–161.
6. Blockmans S., Emerson M. The Impact of Brexit on the UK and the EU // European neighborhood watch. 2016. № 126. Pp. 1–2.
7. Juncker J.-C. State of the Union 2016. Address presented in the European Parliament, 14 September 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/priorities/state-union-2016_en (дата обращения: 20.12.2016).
8. Koenig N. A differentiated view of differentiated integration // Jacques Delors Institute Policy Paper. 2015. №. 140. 13 p.
9. Patomäki H. Will the EU Disintegrate? // Globalizations. 2017. Vol. 14. №. 1. Pp. 168–177.
10. Wahl P. Between Eurotopia and Nationalism: A Third Way for the Future of the EU // Globalizations. 2017. Vol. 14. №. 1. Pp. 157–163.

Об авторе

Николай Юрьевич Кавешников – к.полит.н., доцент, заведующий кафедрой интеграционных процессов МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник Института Европы РАН.
E-mail: n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru.

Работа выполнена в соответствии с грантом РНФ № 16-18-10411 «Институциональное доверие к научному знанию в условиях новых рисков и уязвимостей в системе безопасности современной России».

POSSIBLE OUTCOMES OF BREXIT FOR EUROPEAN UNION DEVELOPMENT

N.Y. Kaveshnikov

MGIMO-University. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: The article discusses some implications of the Brexit referendum for institutional and political development of the European Union and for relations between the EU and the UK.

■ Исследовательские статьи

The most obvious consequence of the referendum is the collapse of ideology of continuous and progressing development of integration. Instead of endless, irreversible, a priori beneficial for everyone integration process, the European Union has become an organization that does not have a Messianic goal and obliged to prove its usefulness in everyday life.

EU systemic crisis will inevitably lead to a profound transformation of its institutional and political structure. After the British referendum, only two options are possible.

First of all, partial deconstruction of the European Union. The idea that European integration has gone too far lies in the basis of this strategy. According to this logic, the single market is the main EU achievement. Return to the basics – this is a pragmatic approach to integration, which should replace attempts to fix rotten projects (like Euro) or to achieve the unattainable (political Union). This option is hardly probable.

Second option is transformation of the EU into the "core and periphery" system having the basis flexible integration. Over the past 20 years, flexibility transformed from temporary phenomenon into a permanent and formalized mechanism; its elements exist in many EU politics. Brexit would be able to accelerate significantly the formation of a cohesive core within the EU. The core will not be homogeneous; it will include as governing structures: the German-French axis and a group of EU founding countries.

Key words: European Union, Brexit, EU institutional system, flexible integration.

References

1. Babynina L. «Brexit means Brexit». Chto oznachaet vykhod Soedinennogo Korolevstva iz Evropeiskogo Soyuzu? [Brexit means Brexit. What does it mean?] *Sovremennaya Evropa*, 2016, no. 4, pp. 21-33. (In Russian).
2. Bol'shova N.N. "Pegida" kak primer massovykh protestnykh dvizhenii, vznikshikh v Evrope pod vliyaniem migratsionnogo krizisa ["Pegida" as an Example of Mass Protest Movements that Emerged in Europe under the Influence of the Migration Crisis]. *Polis*, 2016, no. 3, pp. 123–137. (In Russian).
3. Kaveshnikov N.Yu. «Gibkaya integratsiya» v Evropeiskom soyuze ["Flexible integration" in the European Union]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2011, vol. 9, no. 2(26), pp. 58–69. (In Russian).
4. Kaveshnikov N.Yu. Lissabonskii dogovor i ego posledstviya dlya razvitiya ES [The Lisbon Treaty and its Implications for the Development of the EU]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2010, no. 2, pp. 54–76. (In Russian).
5. Tsibulina A.N. Bankovskii i fiskal'nyi soyuz v ES: chto vazhnee? [Banking and Fiscal Unions in the EU: Which is more Important?] *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2014, no. 4 (37), pp. 155–161. (In Russian).
6. Blockmans S., Emerson M. The Impact of Brexit on the UK and the EU. *European neighborhood watch*. 2016, no. 126, pp. 1-2.
7. Juncker J.-C. *State of the Union 2016*. Address presented in the European Parliament, 14 September 2016. Available: https://ec.europa.eu/priorities/state-union-2016_en (accessed 20.12.2016).
8. Koenig N. A differentiated view of differentiated integration. *Jacques Delors Institute Policy Paper*, 2015, no. 140. 13 p.
9. Patomäki H. Will the EU Disintegrate? *Globalizations*. 2017, vol. 14, no. 1, pp. 168-177.
10. Wahl P. Between Eurotopia and Nationalism: A Third Way for the Future of the EU. *Globalizations*, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 157–163.

About the author

Nikolay Y. Kaveshnikov – Ph.D. in political science, Head of Department of Integration Studies, MGIMO-University; Leading Research Fellow in the Institute of Europe RAS. E-mail: n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru.